

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Оксана ВАСЯКИНА. Рана

«Рана» Оксаны Васякиной, вышедшая в 2021 году, позиционируется как значимый текст современной русской литературы, но, увы, не оправдывает ожиданий. Роман, заявленный как автобиографическое исследование утраты и идентичности, тонет в избыточной рефлексии и структурном хаосе. История путешествия героини с прахом матери из Сибири в Москву могла бы стать мощной метафорой, но вместо этого превращается в набор разрозненных эпизодов, которые утомляют своей претенциозностью.

Васякина явно пытается перенести поэтический стиль в прозу, но результат скорее раздражает, чем восхищает. Текст перегружен литературоведческими

вставками и метафорами, которые выглядят искусственными.

Стилистически «Рана» производит впечатление текста, который слишком старается быть значительным. Васякина полагается на поэтическую образность, но ее метафоры часто кажутся натянутыми или банальными; бесконечные сравнения с телесностью, природой и болью быстро теряют силу из-за повторяемости. Проза, которая могла бы быть лиричной, становится монотонной, как будто автор не доверяет читателю и пережевывает эмоции за него.

Структура романа только усугубляет проблему. Фрагментарность, возможно, задумывалась как отражение хаотичной природы памяти, но на деле воспринимается стилистической неравномерностью. Воспоминания, размышления об идентичности и философские отступления перескакивают друг на друга без внятной логики, заставляя читателя пробираться через текст в поисках смысла. Это не мозаика, а скорее свалка идей, где важные моменты теряются в потоке избыточных деталей. Отсутствие ритма и динамики делает чтение похожим на бесконечное погружение в однообразную тоску.

Тематика «Раны» — утрата, квир-идентичность, социальные контрасты — звучит многообещающе, но ее реализация разочаровывает. Тема смерти матери, центральная для романа, тонет в избыточной саморефлексии. Васякина так сосредоточена на своих переживаниях, что мать как персонаж остается скорее символом, чем живым человеком. Ее образ — больной, строгой, отстраненной — не получает глубины, а воспоминания о ней повторяются без развития, вызывая скорее отторжение, чем сочувствие.

Квир-идентичность, заявленная как важная часть повествования, кажется скорее декларацией, чем органичной частью истории. Васякина поднимает тему маргинализации, но ее размышления остаются поверхностными, не добавляя ничего нового к разговору о квир-опыте. Социальный контекст — бедность, сибирская глубинка — подается как экзотический фон, но не анализируется, а лишь эксплуатируется для усиления драматизма.

Другие персонажи в романе практически отсутствуют, что делает текст еще более замкнутым. Героиня, по сути, монологизирует, но ее внутренний мир, несмотря на обилие слов, не раскрывается достаточно, чтобы вызвать эмпатию. Читатель остается отстраненным наблюдателем, а не участником.

Эмоционально «Рана» оставляет чувство опустошения, но не в катарсическом смысле, а из-за монотонной тоски, которая пропитывает текст. Васякина явно стремится к честности, но ее откровения воспринимаются как демонстративные, почти навязчивые. Тяжелые сцены — болезнь матери, воспоминания о конфликтах — не вызывают сопереживания, так как тонут в многословных размышлениях, которые кажутся скорее упражнением в самоанализе, выпячиванием своей литературоведческой осведомленности, чем историей для других.

В итоге «Рана» — это амбициозный, но неудачный эксперимент. Роман пытается быть всем сразу: автобиографией, манифестом квир-идентичности, социальной драмой, но не справляется ни с одной задачей. Перегруженный стиль, бесструктурность и отсутствие эмоциональной связи с читателем делают книгу утомительной. Возможно, она найдет отклик у тех, кто готов терпеливо разбираться в ее хаотичных образах, но все же это остается текстом, который обещает больше, чем дает.

Роман «Рана» Оксаны Васякиной — пример того, как поэтическая чувствительность может обернуться литературной слабостью. Васякина хотела создать пронзительный роман, но вместо этого запуталась в собственных метафорах, оставив читателя в недоумении.

Дмитрий ДАНИЛОВ. Саша, привет!

Интерпретаций этого романа может быть очень много. Я выделила две: социальную и экзистенциальную.

Социальная

Представьте роман, действие которого разворачивается в условном настоящем — мире, где царит показной гуманизм, но за тонкой завесой скрывается нечто иное. Это не будущее, ведь трудно представить, что спустя годы люди все еще утопают в бюрократии, спорят о набивших оскомину проблемах, а интернет-комментаторы с легкостью возносят тебя до небес или низвергают в ад. В этом метафоричном мире смерть подстерегает повсюду, но не только физическая, обусловленная физиологией человека, но и другая — духовная, социальная. В большом городе действует негласное правило: «Ни вы здесь никому не интересны, ни вам никто здесь не должен быть интересен. Мы тут уже все умерли, поэтому не надо излишне докучать местным обывателям».

Герой, Фролов, следует этим правилам: он не бунтует, не оспаривает несправедливость. Он лишь тихо просит о разумности в мире, где царят молчание и замалчивание.

Антиутопические оттенки в роман привносят не тирания или хаос, а равнодушные люди, которые с холодным спокойствием принимают все, что происходит. Если государство велит назвать расстрел гуманным — они покорно соглашаются. Если нужно бесконечно существовать в серой рутине — они соглашаются. Однако это не классическая антиутопия с диктатурой или вседозволенностью в центре. У Данилова в основе — псевдогуманизм, который медленно отрывает человека от его сути, при этом убаюкивая его словами о добре и справедливости. Духовная смерть здесь наступает не только от этого, но и от согласия играть по абсурдным правилам, молчать и не сопротивляться.

Экзистенциальная

«То, что происходит с Сергеем, происходит с каждым из нас, мы просто об этом редко задумываемся...»

Большинство людей — это такие *покойники в отпуске*. Смещая в тексте акценты, обнажая повторяющуюся абсурдность человеческой жизни, Данилов намекает, **что** и **как** можно прожить по-настоящему. И здесь центром возникает само понятие смерти и мысль о ней. В романе общество разделено на тех, кто умалчивает о смерти, и тех, кто о ней не умалчивает.

Жизнь обычного человека, не знающего, когда пробьет его час, и старающегося об этом не думать, и жизнь Сергея, точно знающего, что время его отмерено, и час рано или поздно пробьет: Данилов показывает, насколько сильно такие два состояния разделяет непреодолимая пропасть. То есть насколько смерть неизбежная, но абстрактная и смерть неизбежная, но конкретная не похожи друг на друга. И если абстрактная смерть объединяет людей своей фигурой умолчания, то конкретная смерть — разъединяет, даже с самыми близкими (*если нет любви*), **и человек остается один.**

«Ты для меня умер уже. Тебя нет, и тебя сложно теперь любить. Ты вроде живешь, а вроде уже и не живешь», — говорит Сергею жена. И тут возникает вопрос о том, какое состояние является движением в сторону Истины, какое состояние является спасительным, а какое — убивающим все живое.

Я думаю, что любовь и осознание смерти — два ключевых прозрения, формирующих судьбу человека. Без них человечество не достигло бы нынешних высот: не возникли бы ни религии, ни искусство, ни бурный прогресс науки, ни духовное развитие. Осознание собственной смертности выступает одним из главных двигателей личностного роста. Каждому важно в какой-то момент признать в себе «мертвеца» — понять конечность бытия.

Память о смерти — это спасительный переход, связывающий наш мир с чем-то вечным. Мысль эту можно даже не докручивать до понятий религии и Бога: в тексте Данилова даже большинство священников остаются ни с чем, когда непосредственно сталкиваются с человеком на грани смерти. Но важно осознавать, что смерть несет спасение, потому что лишь она способна отрезвить суетливого человека. Суетливого — то есть рассеянного, лишённого сосредоточенности, растрачивающего себя на пустяки. Смерть — это своего рода чудо, которое борется с душевной бесчувственностью, пробуждает изумление и заставляет человека задуматься, возвращая его к реальности.

И если постоянно умалчивать о смерти, то жизнь практически полностью превратится в небытие, в автоматическое существование, духовное поражение.

Можно рассматривать весь роман как большую метафору пути, начинающегося, когда человек наконец нашел в себе силы признать реальное существование своей смерти (в таком случае мы полностью отклоняем реальность госаппарата и тюрьмы, представленных в тексте), прочувствовать ее здесь и сейчас, не забывая о ней перед каждым действием, перед каждой условной прогулкой. Данилов показывает эти стадии принятия человеком собственной смерти от отрицания к ярости и отчаянию, к обращению к ней лицом к лицу, к некоему разговору с ней. И именно поэтому автор оставляет концовку открытой. Концовку, которую можно интерпретировать также двумя (или более) способами.

1. Когда Сергей наконец соединился со своей душой, с некоторым вечным в себе, автомату смерти, Саше, нечего уже расстреливать, потому что тело не имеет никакого смысла, а душа остается в этой вечности. Он расстреливает пустоту, а пустотой является физическое обличье человека. То есть мы смотрим на смерть Сергея глазами вечности.

2. Сергей не обрел этой самой вечности и как был пустотой, так ею и остался: то есть это уже взгляд со стороны привычной реальности. И так как чувство смерти и состояние телесной постсмерти очень индивидуальное и личное, то Данилов намеренно не дает конкретный рецепт, как пройти этот самый путь,

потому что каждый должен прожить осознание своей смерти сам и справиться либо не справиться с ним.

Сам Данилов в одном интервью говорит о смерти так, и мне показалось важным учитывать его отношение для более полного раскрытия этого романа: «Чувство смерти оно индивидуальное. Кто жил в 90-е, помнит, что можно было выйти во двор, а там перестрелка и пуля могла тебе прилететь в лоб. А это парадоксальным образом не давало ощущение близости смерти. Ты просто: “О, вот щас повезло!” — и дальше живешь. А можно жить в мире, где ничего не происходит, где все безопасно и спокойно, а ты пропитан чувством смерти. Чувство смерти — это вообще такой дар. Это может быть тяжелым даром, а может быть импульсом к более яркой, более интенсивной жизни. Чувство смерти это как дар, и оно никак не зависит от эпохи».

Выше я выделила два главных чувства в жизни человека, и второе из них — **любовь**. Это важный элемент романа, потому в тех местах, где мы даже ожидаем очевидного проявления любви, ее нет. Например, нет любви в отношениях между Сергеем и женой, нет любви между Сергеем и его студенткой, нет любви между Сергеем и его матерью, нет любви между женой Сергея и писателем с пляжа, нет любви между преподавателем и студентами, нет любви между гуляющими в парке. Мы нигде не находим любви, **любовь здесь везде испугана**, и персонажи испуганы возможностью ее проявления и необходимостью ее проявления. Ведь чтобы принять любовь и достичь ее, необходимо быть открытым ко множеству этапов, к ней приводящим, а в персонажах романа даже сам путь к этим этапам забыт и проигнорирован. И вроде все всё понимают (понимают некоторую запредельность положения Сергея и потому заинтересованы, понимают неполноту языка, и потому речь их иронична), но понимание и рационализация это всегда недостаточность.

Закончу свою рецензию словами раввина из текста: «Почему же все так, Господи, почему же все так, Господи?» Это, наверное, те слова, с которых и начинается путь, а чем он заканчивается — не знает никто, даже Дмитрий Данилов.

Екатерина КИНЧЕВСКАЯ

Захар ПРИЛЕПИН. Собаки и другие люди

Люди делятся на четыре категории: собачники, кошатники, аллергики и эгоисты. Захар Прилепин попытался привязать последних к кому-то, кроме себя, но у него это, к сожалению, удалось лишь отчасти. «Собаки и другие люди» — сборник из тринадцати рассказов, объединенных общей темой: человек и собаки, собаки и люди. В нем рассказывается о жизни семьи в деревне и о ситуациях, которые сближают людей с животными и другими людьми, а также о случаях, когда люди от людей отдаляются. По мере прочтения можно познакомиться с рядом удивительных характеров, как человеческих, так и собачьих. Прежде чем продолжить рассуждать об этой книге, хочу назвать одну причину, по которой стоит прочитать ее хотя бы частично, и две — по которым время, потраченное на этот сборник, не равноценно сеансам его прочтения.

Почему читать стоит. В книге есть прекрасный пес по кличке Шмель. Он не просто собака — он тот самый персонаж, ради которого стоит потратить время на пару страниц сборника. Его образ наполнен живостью и достоверностью, он как будто выходит за пределы страницы, и ты начинаешь ощущать его присутствие даже тогда, когда книга лежит закрытой на столе. Тексты, связанные с ним, напол-

нены не только мастерством, но и трогательной искренностью, которой не хватает другим рассказам сборника. Шмель — это тот персонаж, которого любишь. Трудно не заметить, что когда текст фокусируется на Шмеле, он, кажется, обретает особую динамику. Шмель — образ, который мог бы вырасти в нечто великое, если бы Прилепин уделил больше времени и пространства для его развития. Как бы странно это ни звучало, но читать сборник стоит для того, чтобы понять, что значит выражение «упущенная возможность» в контексте литературного произведения.

Почему читать не стоит. Прежде всего неинтересна природная лирика, щедро сдобренная разговорами «за жизнь». Прилепин подает это блюдо органично, с апломбом, но, честно говоря, нет ничего более бессодержательного, чем слова, которые пытаются быть содержательными. С момента, как я прослушал сборник, прошло несколько месяцев — и ничего из того, что вроде бы должно было пронзить душу или застрять в памяти, в них не осталось. Почему? Потому что Бианки, Паустовский и Пришвин справлялись с этой задачей тогда, когда я учился в начальной школе. Они научили воспринимать русскую природу определенным образом. Зачем мне повторяет азы Захар Прилепин? Его полувывмышленные дневниковые записи прогулок по лесам и озерам должны были лечь в стол, а не пойти в печать.

Гузель ЯХИНА. Эйзен

Хочется заранее сказать, что автор этой рецензии — человек, который не вчитывается в книги. Я ребенок 2000-х, поэтому времени мне хватает только на прокрастинацию и аудиоформат литературных произведений. Отсюда вытекают следующие критерии оценки любой литературы: она должна смешить — чтобы мое расконцентрированное Интернетом внимание пребывало в тонусе, заставлять задуматься — чтобы я казался умнее окружающих и (главное!) самого себя, и не принуждать углубляться — чтобы я не бросил все это дело на второй день. Во всех этих смыслах «Эйзен» —

отличная книга. В трех пунктах — в дополнение к тем, что можно выделить из текста выше, — я объясню, почему ее полезно слушать или читать. И да, три пункта я выбрал не произвольно, а так, чтобы каждый современный человек понял, зачем же ему оплачивать подписку на сервис аудиокниг.

1. Послушайте эту книгу, чтобы узнать, как воздействовать на чувства других людей. Это поможет вам манипулировать эмоциями окружающих или, по крайней мере, понять, что это не так уж и сложно. Надеюсь, вы будете использовать это в благих целях — например, в маркетинге.

2. Послушайте эту книгу, чтобы не казаться себе человеком, который не может связать пару слов. Она красноречива и остроумна. Это поможет вам разморозить свой закостеневший язык и начать умно шутить среди коллег. Может быть, вас даже повысят.

3. Послушайте эту книгу, чтобы с удовольствием открывать приложение «Яндекс Музыка», подписку на которое вы и оформили ради этой книги, и наслаждаться эстетичным интерфейсом. Это поможет вам чувствовать себя стильнее и современнее. На этом можно было бы и закончить — миссию по продвижению произведения я выполнил и теперь могу ожидать заслуженную оплату труда. Но начинается другой формат рецензии. Следующий текст можно не брать в поле зрения, если литература для вас дело несерьезное. Как, например, для меня. Но если вдруг вам важно знать мнение другого человека, которым вы при случае заместите свое собственное, — пожалуйста. И да, коммерческой выгоды от всех

похвал в адрес книги я, к сожалению, не имею, поэтому выше написал свои искренние мысли. Начнем с того, что «Эйзен» — роман-буфф; говоря проще — текст с юмором. И правда, перед нами произведение, в котором серьезный мужчина с большой буквы (или букв) — Советский Режиссер — представлен как вечный задорный мальчуган с неисчерпаемым перфекционизмом и легким демонизмом.

Нужно сразу обозначить: Эйзенштейн в романе — персонаж или, даже вернее, идеал. Типичный гений, к ногам которого должен лечь мир в процессе создания чего-то нового. Он будет мучить людей ради кадра, ловить пот с морды бульдога ради визуальной метафоры, заставлять взрослых мужчин трясти младенцев за пятки — и все это ради своего кино.

Опять же субъективно — я не могу не выразить полного согласия с такой романтизацией Сергея Михайловича Эйзенштейна. Именно так скучно он назывался бы в какой-нибудь серии «ЖЗЛ», но не у Гузели Яхиной. Эйзен — это твой друг, твой образец для подражания, твой пик продуктивности, твоё вдохновение, твои амбиции покорить мир и поставить жирную точку после слова «УСПЕХ». Вот об этом всё хочется думать и мечтать, узнавая Эйзена в «Эйзене» Гузели Яхиной, а не какого-нибудь там сухо биографического Сергея Михайловича.

Итак, к тем пунктам, которые я уже обозначил как причины для прочтения или прослушивания книги, добавляется еще один — самый важный: перед нами книга — культ личности. Личности отчасти выдуманной, как выдуман Илон Маск для персонификации инженерной и бизнес-мощи Америки. Личности грандиозной, ведь Эйзенштейн в романе не просто снимает кино — он творит представление о советской революции, а значит — творит советское мироздание, а значит — формирует ум и разум целого поколения! И самое главное — личности вдохновляющей!

Во всем этом важно и то, что «Эйзен» — история о демиурге, который манит читателя своим величием, но при этом не отталкивает идеальность. Его харизма и интеллект — явный контрудар низкому росту и далеко не выдающейся внешности, аутистические черты — причина формальной материнской любви, амбиции и стремление к признанию — следствия все той же семейной мелодрамы. Идолу нужны слабости, чтобы его не захотели свергнуть за его идеальность. Соблюсти такой баланс при создании образа гения было важно, чтобы не лишить его связи с читателем.

Перечисляя эти слабости творца, невольно думаешь: ««Эйзена» было бы здорово экранизировать». Уверен, молодой аудитории подобный продукт точно бы понравился, то есть Эйзенштейн — как продукт вымысла, как персонаж — был бы принят на ура. Патологический перфекционист, Стив Джобс советского кино, который не швыряет стулья в сотрудников, но требует, чтобы табуретки ломали под нужным углом и с нужной скоростью, — та живость, целеустремленность и напор, которые подбодрят всех тех, кто сейчас в возрасте, когда поднимаются по карьерной лестнице или грызут гранит науки, чтобы потом не грызть локти от нереализованности в жизни. Не любимый матерью сын, который на публике ведет с ней милые беседы, а внутри — дальше от нее, чем технологии того времени от цифровых камер, — конфликт, который напомнит юношам и девушкам о взаимном недопонимании с родителями и еще крепче свяжет их узами «психологического» родства с Эйзенштейном. Мужчина, добивающийся внимания харизмой и интеллектом, — незакрытый комплекс неполноценности, который посадит рядом 20–30-летних с Эйзенштейном на сеансе у психолога.

Все это складывается в образ героя, который был бы понят, принят и любим публикой (простите, подписчиками тех сервисов, где выйдет сериал). Представьте, как органично было бы нарезать такой фильм на короткие ролики с эксцентриком Эйзенштейном и пустить все это по соцсетям! Как легко бы продавались сумки, значки, худи и прочий мерч с режиссером. Какой формат, какой коммерческий потенциал, какой знакомый всем в себе герой — но пока есть только книга. Увы.

Подводя итоги, хочется, не задумываясь, повторить: «Эйзен» — отличная вещь. Даже если вы ее не прочитаете, обложка произведения уместно встанет на полке вашей модной студии на 23-м этаже. Не стыдно будет перед людьми,

которые подойдут к стеллажу и пробегутся глазами по корешкам. «Человек со вкусом», — скажут они. Потому что уже видели «Эйзена» в рекламе «Яндекса». А ассоциация с «Яндексом» автоматически повышает общественную значимость любой вещи — и ее владельца — в несколько раз.

Марк РАТНИКОВ

Ирина ШАТЫРЁНОК. Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Анна Ахматова. Реквием

В год 80-летия Великой Победы над фашизмом все острее ощущается необходимость сохранения исторической правды о прошлом, защиты ее от фальсификации и искажения. Писатель из города Гродно, публицист, автор пятнадцати книг, в том числе документально-художественных, лауреат международных, все-российских и республиканских литературных премий Ирина Сергеевна Шатырёнок создает свою новую книгу «Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан» (Минск, 2025).

«Неизвестные автографы...» Ирины Шатырёнок вмещают в себя и литературно-художественные очерки, и публицистические, и документальные заметки — своего рода синтез различных жанров, основанный на обработке огромного объема архивного военного материала, воспоминаний ветеранов и их близких, большого массива справочных, а также литературных источников. Весьма интересна сама идея книги, в которой крепко и навсегда соединяются судьбы, творчество, жизнь писателей-партизан, фронтовиков, свидетелей войны.

Предваряя очерки о белорусских писателях-партизанах, Ирина Шатырёнок абсолютно обоснованно высвечивает личность Павла Арсеньевича Железняковича, который, по ее мнению, «был своеобразным магнитом притяжения для боевых товарищей». Подполье, польская тюрьма, а для Павла Железняковича — пожизненное заключение и знакомство с молодым героем Сергеем Притыцким. Тринадцать мрачных лет тюрьмы, практически инвалид — казалось бы, достаточно для одного человека, тем не менее Железнякович возвращается в родные края, уже в БССР, и в новом советском государстве занимает должность секретаря райисполкома Мирского совета депутатов. Великая Отечественная война: Москва, школа минеров, Павел Арсеньевич обучается минно-подрывному делу. Особый Белорусский сбор, 1942 год, тот же Сергей Притыцкий находился в Центральном штабе партизанского движения. И Железнякович принимает участие в марш-броске по оккупированной территории, более 600 километров, 40-километровый разрыв на линии фронта — «Витебские ворота», где действовала расширенная партизанская зона. Налибокская пуца: диверсионная группа совершала неимоверно сложный зимний переход и параллельно выполняла боевые операции. Настоящий подвиг и «железная сила воли» Железняковича, инструктора минно-подрывного дела, комиссара партизанского отряда, участвовавшего в боях с вермахтом, очевидны и убедительны.

Суровое поколение, честное и совестливое. После войны оно восстанавливало страну. Пожалуй, впервые Ирина Шатырёнок представляет жизнь и творчество белорусских писателей-партизан не только в общем литературном контексте, но и прежде всего с позиций духовности, с позиций сохранения исторической памяти.

Партизанская эпопея живет в произведениях белорусских классиков как часть их собственной биографии. Стоит учесть реальный факт: именно Павел Железнякович объединял писателей-воинов в прочный союз единомышленников.

Мы имеем богатое наследие правдивой литературы о минувшей войне. И в книге имен немало. Обратимся к ним.

Максим Танк, подпольщик, прошедший через «горемычное военное беженство». Обнаруживаются любопытные детали. «Автографы писателей — особый литературный жанр, они могут о многом рассказать. Прежде всего о личных отношениях», — погружает нас в увлекательный литературный мир Ирина Шатырёнок. Например, автографы Максима Танка, которые он оставил для Павла Железняковича, отражают мягкую ироничность, тонкий юмор.

Бесспорно, борьба с врагом — ключевой и ведущий момент. Отсюда крайне важно отыскать материалы, свидетельствующие о партизанской биографии писателей.

Ежегодно писатели-партизаны встречались у Павла Железняковича в Кореличах. И Владимир Колесник, оставляя боевому товарищу свой книжный автограф, подчеркнет в нем и главное качество верного друга — его «редкую человеческую дружбу».

Литература о Великой Отечественной войне — литература короткого периода, насыщенного событиями и взлетами духа в жизни и творчестве. И в новом сборнике «Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан» автором решается проблема героического: мужество и подвиг народа, который противостоит гитлеровцам и предателям. Реальная история борьбы с фашизмом стала основой произведений белорусских писателей, изображающих реальных людей, реальные факты истории, подчас горькую и кровавую правду о войне.

Одна из наиболее ярких фигур в белорусской литературе XX столетия, несомненно, привлекающая наше внимание в повествовании, — это фигура Владимира Короткевича. Ему не пришлось воевать, он принадлежал к младшему поколению. Совсем не случайно писателя-историка притягивал партизанский край, Кореличи, восхищала легендарная личность Железняковича. «На добры успамін» — такие светлые слова-автографы Короткевич дарил партизану. На долгую память сделал надпись в романтической книге-поэме «Чазенія». Воспоминания о нем как о добром, сердечном человеке можно увидеть и в его книге «Зямля пад белымі крыламі». Друзей нерушимо сплывали «общие писательские интересы на военные темы», — справедливо заключает Ирина Шатырёнок.

Вместе с тем здесь нашла свое продолжение и довольно заметная книга в творчестве гродненского автора «Командир» — страницы о писателе-партизане Евгении Кремко. Сколько параллелей и пересечений! Этот человек также был родом из деревни Бережно, на краю Налибокской пуци, заместитель командира разведки партизанского отряда «Комсомольский», после войны — редактор районных газет, сотрудник Литературного музея имени Янки Купалы.

Военная тематика взывает к откровенной, обнаженной истине. Взгляд в лицо смерти, скорбная память о военном лихолетье трех писателей, трех партизан: Алеся Адамовича, Владимира Колесника, Янки Брыля — документальная книга, незабываемый исторический документ «Я з вогненнай вёскі...» (1970–1973).

Документальная трагедия всего белорусского народа, увы, катастрофичная в своих экзистенциальных проявлениях нравственного и психологического порядка.

Листаем дальше наши «Неизвестные автографы...». Кому не знакомо имя популярного писателя Беларуси Ивана Шамякина? Что примечательно: на помощь автору откликнулась дочь белорусского классика — ученый, литературовед Татьяна Шамякина. Автографы Шамякина-фронтовика, оставленные в подарок Железняковичу, как раз отражают целую эпоху, включая в себя нравственное историческое измерение. Разумеется, Ирина Шатырёнок не могла на страницах книги не упомянуть и о замечательном классике Иване Мележе. Автор значимой трилогии «Полеская хроніка», фронтовик, коммунист часто бывал в Кореличах, встречался с Железняковичем.

Как видим, белорусские писатели-партизаны продолжили славянское ратоборство своих русских коллег по творческому цеху: В.Кондратьева, В.Некрасова, Г.Бакланова, К.Симонова, Ю.Бондарева, К.Воробьёва, Б.Васильева и многих-многих других. Великая Отечественная война — высочайший пример высочайшего народного самопожертвования, сопряженного с нечеловеческой самоотдачей. Под одной обложкой в книге Ирины Шатырёнок объединилось немало подобных, сильных волей и духом, героев. Историческая смерть, забвение — не для них, и автор хочет сберечь для читателя живую память, пронзительную правду о каждом из них.

Женщины, сражаясь наравне с мужчинами, оставили неизгладимый след в истории той войны. Пройдя дорогами войны, они конечно же мечтали о мирной и светлой жизни. Вырисовывается интереснейший феномен исследования — фотография на фоне литературы. На старых фото есть глубина ушедшего и настоящего времени. Нечто похожее, исключительно редкий фотоснимок, получила Ирина Шатырёнок от сына Павла Железняковича — фото, датированное 1961 годом. В кругу белорусских писателей незнакомая женщина, но лишь отчасти, на первый взгляд. Место действия на снимке — Гродненщина, в БССР шла Неделя русской культуры. Республика-партизанка радушно встречала дорогих гостей — русских соратников по творческому цеху.

Связующие нити событий вели к Юлии Друниной. Случайная находка, вот она! В 16 лет будущая поэтесса ушла на фронт. В составе делегации был и советский писатель, военный корреспондент Леонид Соболев, капитан 1-го ранга, большой русский поэт Владимир Костров, прозаик, историк Сергей Смирнов, хорошо известный по своей популярной книге «Брестская крепость» (1957), рассказывающей о подвиге защитников бессмертной цитадели.

Отдельные очерки Ирина Шатырёнок посвящает партизанским женам. Военные письма — довольно мало исследуемый жанр. Хотя, считает автор, это очень «редкое и богатое наследие». Перед нами выразительные и неординарные фрагменты писем Веры Одынец, спасшей жизнь Павлу Железняковичу. При чтении письма партизанки поражает то, что эти люди ничего ни у кого не просили, а наоборот — чувствовали свой индивидуальный долг перед Родиной.

Женщины-фронтовички. Одна из таких героинь очерка Ирины Шатырёнок — Валентина Петровна Баранова, легенда города Гродно. Участница Великой Отечественной войны недавно отметила 100-летний юбилей! Вспоминая то время, время потерь и обретений, Валентина Баранова рассказывает собственную историю первой любви на фронте — тогда еще Вали Сычевой, телеграфистки штабной роты, и гвардейского младшего лейтенанта Коли Орлова. Тут привлекают и личные фото, и прежде всего сделанные к ним вдохновенные надписи, раскрывающие характер, образ мыслей, состояние души самих адресатов. В какой-то мере жанр фотоискусства и жанр эпистолярный в своей лаконичности и яркости прекрасно дополняют друг друга.

Разве военное и антивоенное искусство слова, соединяясь воедино, не все-сильно, уж если оно не бессмертно? Ирина Шатырёнок доказывает это в каждой своей публикации, постоянно удивляя нас все новыми и новыми находками и фактами. Убеждаешься, что не только ратным подвигом, героическим трудом, но и великой духовностью победил наш народ. Красота и высота человеческого духа! Вот так спустя десятилетия, преодолевая пространство и время, вдруг могут заговорить бережно хранящиеся годами старые письма и фото... Но стоит, дорогой читатель, прочесть всю книгу, от начала и до конца, в ней еще немало увлекательных жизненных историй и человеческих судеб!

Ирина Шатырёнок показала взаимодействие белорусской и русской военной прозы и поэзии, взаимодействие яркое и эффективное, еще раз подтверждающее то, что литература с ее гениальными произведениями — тоже вклад в спасение мира, потому что в ней истинная мера большой правды, красоты и силы, нравственного, духовного мира.